

ПРОЛОГ

Я долго смотрела на свое отражение, стоя у зеркала. Тонкий шелк, привезенный с Востока, делал платье дымчато-воздушным. На балу такого не будет ни у кого. Эта ткань — непозволительная роскошь для большинства гостей.

— Изумруды, ваша светлость? — поймала мою мысль Берил.

Да, это платье шилось специально под изумрудное ожерелье.

Горничная достала из верхнего ящика комода бархатную коробочку, открыла крышку, охнула и побледнела — вместо старинного гарнитура в шкатулке лежало недавно купленное бриллиантовое кольцо.

— Я не проверила, ваша светлость! — На глазах девушки вмиг появились слезы. — Должна была, но не проверила. Оно всегда лежало здесь. И когда месье Понсон достал коробку из сейфа, просто положила ее в саквояж.

Я усмехнулась.

— Когда вернемся домой, напомни, чтобы я его уволила.

Берил охнула еще громче. Теперь эта добрая душа переживала за моего управляющего.

Нет, ну каков нахал! Подменил украшение и глазом не моргнул. Он сразу отговаривал меня брать изумруды в столицу, искренне полагая, что древнее оже-

релье должно храниться в замке, а не выгуливаться на многолюдном балу. А когда я не вняла его совету, решил схитрить.

Увольнять его я, конечно, не стану, и он прекрасно это знает. Он слишком хорош в своем деле. Никто лучше него не знает, когда нужно сеять лен, где надежнее купить краску для ткани и на какой ярмарке выгоднее продать товар.

Да, новое кольцо тоже роскошно. И пойдя я на любой другой бал, согласилась бы на замену без особых возражений. Но не в этот раз.

Никогда не любила светских мероприятий. Все эти танцы и досужие разговоры — пустое времяпрепровождение. Но круглая дата со дня рождения его величества Эльзара Восьмого слишком серьезный повод, чтобы можно было отклонить приглашение во дворец.

— Давай сюда кольцо, — сказала все еще плачущей горничной.

Придется создавать иллюзию. Я прибегала к магии лишь по необходимости, но сейчас как раз был крайний случай: на балу все будут в старинных украшениях. Это не просто показатель достатка и хорошего вкуса. Это — отражение родовой магии. Месье Понсону этого не понять.

Берил надела кольцо мне на шею. Я подошла к зеркалу, сосредоточилась, вспоминая каждый камушек оставшегося в замке изумрудного ожерелья, и провела по украшению рукой. Горничная захлопала в ладоши. На балу никто и не заметит, что это обманка.

Во дворец я, конечно, опоздала. Появляться в зале после его величества — вопиющее нарушение этикета, но я знала, что никто не сделает мне замечания.

Королевский двор погряз в долгах, а я была основным его кредитором.

— Джейн, ну разве так можно? — прошептал мне на ухо старинный друг и деловой партнер маркиз Намюр. — Я уж было решил, что ты не удостоишь нас своим вниманием.

Мы так давно знали друг друга, что обходились без лишних церемоний.

— Гостя уже представили? — спросила я так же тихо.

Гостями были мы все, но Намюр понял, кого я имела в виду. На день рождения его величества в Луизану прибыл король соседней Камрии — впервые со дня заключения мирного договора после Пятилетней войны. Войны, закончившейся десять лет назад, но Эльзария не могла оправиться от нее до сих пор.

— И как он себя ведет? Как победитель?

Намюр бросил на меня насмешливый взгляд.

— Он имеет на это право. Но не суди его строго, ты же знаешь, в той войне виноват не он.

Да, знала. Войну начал наш Эльзар Восьмой — понадеялся, что только-только вступивший на престол юный король Камрии не сможет дать ему достойный отпор. Но просчитался, и пять лет спустя изнывающая от сражений Эльзария была вынуждена уступить соседям не только часть собственной территории, но и свою принцессу. Брак между королем Камрии и дочерью Эльзара Лилиан позволил избежать уплаты более весомой контрибуции.

— Между прочим, он действительно красив, — ухмыльнулся маркиз. — Так что со стороны принцессы Лилиан брак с ним был не такой уж большой жертвой.

Я едва успевала отвечать на приветствия других гостей. В столице я бывала редко, и каждый мой визит в Луизану привлекал всеобщее внимание. Большое состояние, громкий титул и безупречная репутация — все это превращало меня в самую завидную невесту Эльзарии, а регулярные отказы многочисленным женихам делали брак со мной еще более желанным.

Обведя зал глазами, задержалась на стоявшем несколько особняком незнакомом молодом человеке. Должно быть, из свиты камрийского короля. Он почувствовал взгляд и тоже посмотрел в мою сторону.

Я вздрогнула и едва удержалась на ногах. Как мог оказаться здесь единственный человек, встречи с которым я желала и боялась одинаково горячо? Человек, с которым я встретила лишь однажды, но каждую черточку его лица помнила так ясно, словно знала всю жизнь. Человек, с которым десять лет назад я провела только одну ночь, но он оставил след и в моей душе, и в моем теле.

Я торопливо отвернулась. Он не должен меня узнать. Потому что он — единственный, кто может раскрыть тайну, которую я намерена сохранить любой ценой.

— Где же его величество Алан Седьмой? — спросила у Намюра лишь для того, чтобы не молчать.

— Да вон же, — откликнулся маркиз, — ты только что на него смотрела!

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

написанная Джейн де Трезе

— Одумайтесь, ваше сиятельство! — верещала Джули. — Что будет с вашим отцом после такого позора? А ваша тетушка? Да ее хватит удар!

Отца мне было жаль, и при мысли о нем на глаза навернулись слезы. Он заботился обо мне с самого детства, и я всегда старалась отвечать ему любовью и почтительностью. Да даже то, что собралась сделать сейчас, я делала ради него.

А вот тетушке Жозефине хороший удар совсем не помешал бы.

— Герцог никогда вам этого не простит! — продолжала взывать к моему разуму служанка и наперсница. — А вы знаете, какой у него мстительный нрав. Если он прознает, что вы отдались первому встречному, ославит вас на всю страну.

Вот это вряд ли. Герцог де Трезе не захочет, чтобы кто-то узнал, что его невеста, чтобы избежать брака с ним, напросилась в постель к другому мужчине. Хотя мстить он, конечно, станет.

Но, с другой стороны, как только я потеряю девственность, сразу перестану быть для него интересной, и он, возможно, просто предпочтет забыть обо мне и вернется в столицу, где и пребывал до недавнего времени.

— Джули, — протянула я жалобно, — ты же знаешь, какое чудовище этот герцог. — Служанка часто закивала. Кто же этого не знает? — К счастью, его магия слишком слаба, и это не позволяет ему занимать важные государственные посты. А вот если он усилит ее с моей помощью, — кажется, я покраснела, сказав это. А кто бы не покраснел? — то сможет стать военным министром и снова втянет Эльзарию в войну. Ты этого хочешь?

Джули вздрогнула.

— Нет, что вы, ваше сиятельство! Как можно такое допустить? Мы еще от той не оправились.

Два года назад я узнала, что моя магия, которую чувствовала с самого детства, не сможет выйти наружу без участия в этом процессе мужчины. До сих пор помню, как гувернантка, рассказывая мне это по поручению папеньки, едва не плакала от смущения. А когда она произнесла слова «первая брачная ночь», лицо ее стало цвета перезрелого помидора. Бедняжка думала, глупенькая, что я совсем несведуща в этом вопросе. Но к тому времени я уже многое знала — исключительно в теории — зря, что ли, вместе с крестьянскими детьми так много времени проводила на ферме? Конечно, обидно, что вместе с девственностью я должна была отдать мужу и весомую часть своей магии, но раз уж так природой заведено, ничего не поделаешь. Хотелось только, чтобы муж был достоин подарка.

Герцог де Трезви был совсем не таким. Властный, жестокий, не терпящий возражений, он ворвался в мою жизнь по весне и настоял на том, чтобы папенька дал разрешение на объявление о нашей помолвке.

Откуда он узнал о моей сильной магии, не знаю. Должно быть, кто-то написал ему в столицу. Папенька

отказать не сумел — за время недавней войны у нас накопилась уйма долгов, и только мое выгодное замужество могло бы поправить ситуацию.

Жених мне не понравился сразу — как только по-хозяйски вошел в наш дом и потребовал, чтобы я показала ему в своем лучшем наряде. Он осматривал меня как скаковую лошадь, не церемонясь, и не стеснялся отпускать сальные комплименты. Ему даже в голову не приходило, что я могу отказать. Он полагал, что для дочери обедневшего графа брак с герцогом — большое счастье. А потом уехал, велел готовиться к свадьбе.

Я протестовала как могла — кричала, плакала, умоляла. И убедила-таки отца отказать де Трезе. Но тут некстати вмешалась тетушка, написав герцогу письмо-согласие прежде, чем мы успели отправить свое с противоположным ответом. О помолвке было объявлено, и папенька сдался.

Именно тете Жозефине я и мстила в первую очередь. Она мечтала о том, что будет приезжать ко мне в столицу? О пышных приемах в герцогском дворце? О роскошных лошадях и экипажах? Так вот вам — потерявшая честь племянница, от которой откажется столь завидный жених.

— Только кому вы, ваше сиятельство, себя отдать тут хотите? — шепотом спросила Джули.

И я тоже обвела взглядом обеденный зал постоянного двора. Царящий полумрак не позволял рассмотреть лица сидевших за столами гостей, зато уши всю ловили громкие и не всегда приличные разговоры. Запах дешевого вина, кислой капусты и мужского пота романтизма обстановке не добавляли.

Увы, Джули была права. Меня бросало в дрожь при одной мысли, что я окажусь в кровати с одним из этих

мужланов. Хотя кого я ожидала встретить в дешевой таверне недалеко от базарной площади? Благородным господам тут взяться было неоткуда.

— Ух, какая красотка! — От соседнего столика к нам перебрался мужчина средних лет — невысокий, грузный, со спутанной рыжей бородой. — Давай угощу тебя вином. А потом мы пойдем в мою каморку, и я найду способ тебя развеселить.

Он разглядывал меня безо всякого стеснения. И не только разглядывал — уже через минуту попытался меня обнять, а когда я отшатнулась, захохотал громко и хрипло:

— Девицы с гонором мне нравятся даже больше!

Народа в зале было много, но никто не выразил ни малейшего желания одернуть наглеца. Сидевшие чуть в стороне две пожилые женщины, торговавшие днем в рыбном ряду, торопливо отвели взгляды.

Я уже жалела, что ввязалась в эту авантюру. Хотя изначальный план был прост как медная монета. Специально напросилась с Джули на ярмарку (убедила отца, что сумею выгоднее продать тонкую шерстяную пряжу, которой славилось наше поместье), чтобы найти здесь того, кому смогу подарить и свою невинность, и свою магию. Дома обзавестись возлюбленным на одну ночь и сохранить это в тайне не представлялось возможным — там меня знала каждая собака.

В мыслях я рисовала молодого симпатичного кавалера с хорошими манерами, который влюбится в меня с первого взгляда. Я уступлю его галантным ухаживаниям и соглашусь провести с ним ночь. А потом, когда все случится, и он заснет, сбегу от него, и мы с Джули тут же уедем из города. Он обнаружит мое исчезновение на рассвете и долго будет жалеть, что упустил свою

самую большую любовь. И так никогда и не узнает, что ему отдала свою честь не лавочница или крестьянка, а дочь настоящего графа.

Думать об этом было приятно.

Но реальность оказалась другой. За целый базарный день к нам не подошел ни один покупатель, который хоть в какой-то степени соответствовал бы моим ожиданиям.

— Чего ты от меня нос воротишь? — Мужчина был пьян и быстро распалился. — Чересчур разборчива?

Из рта, приблизившегося к моему лицу, так пахло соленой рыбой и луком, что я почувствовала тошноту. Ох, Джули была права — лучше бы я осталась дома. Да, герцог де Трезе — не подарок, но за право обладания мной он хотя бы предложил деньги и титул.

— Оставьте меня, сударь!

Мужчина грубо схватил меня за руку, и Джули закричала:

— Помогите!

Но ее крик утонул в шуме зала, а рыжий сально ухмыльнулся:

— Что, и тебе ласки захотелось? Так пойдем с нами — меня и на двоих хватит. А кричать не советую. Иначе не один я захочу с вами, цыпочки, ночь провести. От желающих отбоя не будет.

Наш столик стоял близко к коридору, что вел в предназначенные для ночлега комнатушки. Если пьяный мужлан потащит меня туда, никто и пальцем не шевельнет, чтобы заступиться. И Джули ничего не сможет сделать, лишь к себе внимание привлечет. Я слышала однажды от нашей кухарки рассказ о том, какие бесчинства учинили над ее племянницей пьяные торговцы как раз в ярмарочные дни. Но то было во время

войны, когда власть короля и герцога сильно ослабла. Кто мог подумать, что такое происходит и в мирное время?

— Разве ты не слышал, что девушка попросила оставить ее в покое?

Рыжий резко вылетел из-за стола — я не сразу поняла, что произошло, и только когда увидела, что его держит за ворот холщовой рубахи другой мужчина — высокий, статный, со спадающими на плечи темными волосами, — торопливо пробормотала:

— Благодарю вас, сударь!

Его лицо было наполовину скрыто широкими полями шляпы с пером, но губы были видны, и на них появилась улыбка.

Рыжий еще пытался взбрыкнуть и даже взмахнул схваченным со стола ножом, но холодное спокойствие нашего защитника подействовало на него отрезвляюще, и он удалился, на ходу бросая угрозы.

— Позвольте, я провожу вас до комнаты, — темноволосый отступил на шаг, давая нам с Джули выбрать из-за стола. — Не беспокойтесь, никто вас не потревожит до утра. Я особо обговорю это с хозяином постоянного двора.

Простая добротная одежда отнюдь не выдавала в нем человека благородного происхождения, но об этом говорили его стать, военная выправка и правильная речь.

Он довел нас до дверей комнаты и поклонился. Мы ответили легкими книксенами.

— Скажите ваше имя, сударь, — попросила я взволнованно, — чтобы мы знали, кого благодарить за помощь.

Он замешкался только на секунду, но, услышав в ответ: «Алан Дюбайе», сразу поняла, что он сказал неправду. Но так даже проще.

Я заметила кровь на рукаве его рубахи и испугалась:

— Вы ранены?

— Пустяки! — усмехнулся он. — Всего лишь царапина.

— Давайте перевяжу вашу руку, — предложила, — это самое малое, чем я могу вас отблагодарить.

Наверно, его позабавила столь безыскусная попытка продолжить знакомство, и он снова улыбнулся. Но мне было все равно. Я решила, что мне послала его сама судьба — как раз тогда, когда я в этом так нуждалась.

— Ну что ж, извольте, — сказал он, — в моем сундуке найдется платок, который можно использовать как повязку.

Мы убедились, что Джули заперлась изнутри, и пошли в его комнату. Она была такой же маленькой и неуютной, как и наша. Но кровать там имелась, и этого было достаточно.

Я промыла рану водой из стоявшего на столе кувшина и перевязала запястье мужчины платком. Он в ответ поцеловал мою руку. Я незаметно сдернула чепец с головы и сполна насладились отразившимся в его глазах восторгом, когда длинные волосы рассыпались по моим плечам.

— Как тебя зовут, прекрасная незнакомка? — спросил он, коснувшись пальцами моей щеки.

Еще была возможность отказаться от нашего плана, вернуться к Джули и наутро уехать домой. Но мужчина уже снял шляпу. Он был красив — так красив, что мне самой захотелось погладить его лицо с широким лбом, орлиным носом и высокими скулами.